

К. С. Аксаков

**Князь Луповицкий или
приезд в деревню**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. С. Аксаков**
Князь Луповицкий или приезд в деревню / К. С. Аксаков – М.: Книга по Тре-
бованию, 2017. – 92 с.

ISBN 978-5-518-10805-9

Комедия в двух действиях с прологом.

ISBN 978-5-518-10805-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БНЯЗЬ
ЛУПОВИЦКІЙ

ИЛИ

ПРИЪЗДЪ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

КОМЕДИЯ

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

Константина Аксакова.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. СТЕПАНОВОЙ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Марта 16 дня, 1856 года.**

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ПРОЛОГЪ.

(Дѣйствіе въ Парижѣ).

ЯВЛЕНИЕ I.

ОСОБАЯ КОМНАТА въ Café de Paris. Князь Луповицкій, графъ Долонскій, баронъ Салютинъ сидятъ послѣ обѣда и курятъ сигары; передъ ними рюмки съ мараскино.

ДОЛОНСКІЙ (*Луповицкому*).

И такъ, завтра въ Россію?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Завтра.

ДОЛОНСКІЙ.

Ну, bon voyage. Но знаешь ли что? Ты потеряешь только время; temps perdu, mon cher. Пользы не будетъ отъ твоей поѣздки.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Польза будетъ, повѣрь мнѣ. Я удивляюсь только, и очень удивляюсь словамъ твоимъ; неужели ты такъ дурно думаешь о Русскомъ народѣ? Ты думаешь, что онъ не пойметъ и не приметъ Европейскихъ изобрѣтеній, открытій, идей, le progrès enfin?

САЛОТНИНЪ.

Écoutez, Луповицкій; ты ошибаешься, mon ami. Il согласенъ съ Долонскимъ.

ДОЛОНСКІЙ.

Конечно, чего ждать отъ Россіи: tout un peuple de mougiques.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Soit; mais ça ne dit rien; c'est que... Mais, écoutez Messieurs, parlons russe, de grâce. Пасъ какъ нибудь могутъ услышать здѣсь, мы говоримъ о Россіи откровенно; неприятно, неловко передъ, все же, иностранцами. Вѣдь Французы все же однако иностранцы. Къ тому же я собираюсь ѣхать въ Россію, надо же мнѣ упражняться въ русскомъ языкѣ; въ Петербургѣ, и можетъ быть до самой моей деревни, мнѣ не придется слова сказать по русски. А теперь мы, en petit comité, въ короткомъ пріятельскомъ кружку, стало можемъ говорить и по русски. Il faut profiter de l'occasion. И такъ, Messieurs, я прошу васъ исполнить мою просьбу и все говорить по русски.

ДОЛОНСКІЙ.

Il faut lui faire ce plaisir. — По русски, Салотнинъ! Продолжай, Луповицкій.

ЛУПОВИЦКІЙ.

И такъ, если наше отечество и не имѣсть въ

себѣ такихъ достоинствъ, какъ Европа, такъ вѣдь оно все таки отечество. *La patrie, Messieurs, la patrie.*

ДОЛОНСКІЙ.

La patrie! Tout cela est bel et bon; но что значить la patrie? Я тоже люблю отечество: отсюда я получаю деньги. J'espère bien, que je l'aime.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Это одна сторона только, одна сторона.

САЛЮТНИЙ.

Пѣтъ, Луповицкій, онъ правъ; одинъ союзъ съ отечествомъ, — это деньги, и конечно это важный союзъ.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Messieurs, permettez! Je demande la parole.

ДОЛОНСКІЙ.

La parole est au baron Салютний; continuez.

САЛЮТНИЙ.

Я не понимаю, *Messieurs*, о какой любви къ отечеству можетъ быть рѣчь. Это хорошо было прежде, въ старыя времена, но съ тѣхъ поръ мы ушли далеко впередъ. — Я, напримѣръ, — человекъ образованный: это я понимаю. Я люблю слушать Лаблаша и Гризи, побѣхать на балъ, гдѣ одно избранное общество, выслушать иногда лекцію *d'un professeur en vogue*, наконецъ отобѣдать здѣсь, однимъ словомъ

жить en homme civilisé, — это я понимаю; но какое тутъ отечество? Къ чему оно? Это все выдумки, годныя для черни.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Ingrat que vous êtes! Quel est le sang qui coule dans vos veines? Répondez moi, n'est ce pas un sang russe?

САЛЮТІНЪ.

Soit; но къ чему же это обязываетъ?

ЛУПОВИЦКІЙ.

Je vais vous répondre à l'instant. Есть на земль связь между людьми однородными? Понимаете мня, — есть она?... Qu'est ce qui s'appelle un grand peuple? Нсін? Не тотъ ли это народъ, въ которомъ всь члены тьсно связаны? И эта связь, Messieurs, это любовь къ отечеству, l'amour de la patrie!

ДОЛОНСКІЙ.

Il y a du vrai là-dedans.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Отчего былъ силенъ Римъ? Отъ любви къ отечеству. — Pourquoi un état, est il puissant? — Pour la même raison. Видите, Messieurs, что безъ этого чувства не было бы силы и независимости народной, не было бы независимости и Государственной, следовательно не было бы и вашей независимости. — Voyez

l'océan; il est puissant, et pourquoi? — C'est que tous ses flots ne font qu'une seule masse, un seul mouvement, une seule puissance. Détachez un flot de son océan, — отнимите волну отъ своего океана, она сейчасъ дѣлается безсильною; вы можете перенести ее, куда угодно. А? Вы можете ее налить въ графинъ — да? Вы можете налить ее въ рукомоиникъ, можете умыться ею, вылить, — видите. — Aussi, Messieurs, le peuple; c'est un océan; nous ne sommes, que des flots; какъ скоро мы отняты отъ своего океана, qu'est ce que nous sommes?

ДОЛОНСКІЙ.

Il a raison, Салютинъ; c'est qu'il a le don de la parole, cet homme. Но, Луповицкій, voyons. Вѣдь наши мужики, вѣдь это развѣ люди? Знаешь, какое ихъ назначеніе? Ихъ назначеніе, чтобы мы, люди образованные, могли наслаждаться всеми удовольствіями цивилизаціи, c'est le mot; чтобы я напримѣръ могъ жить въ Парижѣ, и между прочимъ, обѣдать въ Café de Paris. — Вотъ для чего мужики, чтобы намъ давать средства на всѣ цивилизованныя удовольствія; c'est leur mission sur la terre, ils ne sont bons, qu'à ça, et c'est encore trop d'honneur pour eux.

САЛЮТИНЪ.

Правда. — Мнѣ пишетъ управляющій, что денегъ выслать трудно, что будетъ мужикамъ тяжело. Ma foi! я написалъ ему, чтобъ были высланы деньги;

я хочу жить, какъ живу, ни въ чемъ себѣ не отказывая, en homme civilisé, какъ человекъ гуманный, а больше ничего и знать не хочу.

ЛУПОВИЦКІЙ.

Нѣтъ, Messieurs, я не согласенъ съ вами. Вы не правы. — Какъ, Messieurs, мы станемъ нападать на нашъ народъ за то, что онъ, бѣдный, лишень всѣхъ благъ Европейской цивилизаціи, за то, что онъ находится на низкой степени лѣстницы народовъ, за то, что въ немъ не могло еще явиться ничего возвышеннаго, гуманнаго, за то, что въ немъ только одни зародыши, что онъ не можетъ назваться вполне человекомъ даже? И за его нужду, недостатки, его жалкое состояніе, мы наградимъ его презрѣніемъ, мы не постараемся извлечь его изъ этого состоянія, въ которое поставила его исторія, мы не пробудимъ въ немъ религіозныхъ, человѣческихъ движеній, которыхъ въ немъ нѣтъ? Какъ, неужели мы такъ поступимъ? Oh, oh, Messieurs, Messieurs! oh, Messieurs.

САЛЮТИНЪ.

On voit, que vous êtes patriote.

ДОЛОНСКІЙ.

Il est connu, comme tel.

САЛЮТИНЪ.

Но думаешь ли ты, что твои усилія не останутся по напрасну?